

По щучьему веленью

Русская народная сказка

По щучьему веленью

в пересказе М. Булатова

В одной деревне жили-были братья: двое умных, а третий Емелюшка-дурачок. Собрались как-то раз старшие братья в дальний город, на ярмарку, и говорят Емеле:

— Ты, Емеля, не ленись, на печке не залёживайся, наших жён во всём слушайся. За это мы тебе подарки привезём: новые сапоги, кафтан да ещё шапку красную.

— Ладно, — отвечает Емеля, — буду слушаться!

Попрощались братья и уехали.

Немного погодя невестки говорят:

— Сходи-ка, Емелюшка, на речку, по воду — у нас воды нет.

А Емеля им с печки:

— Неохота мне!

— Как так неохота? А кто обещал помогать нам?

— Ну ладно!

Слез Емеля с печки, обулся, накинул зипунишко, засунул за пояс топор, взял вёдра на коромысло и пошёл.

Спустился он с горки к реке, стал лёд вокруг проруби обкалывать. Глядь — всплыла большая щука. Изловчился Емеля, схватил щуку за хвост и вытащил из проруби.

Говорит ему щука человечьим голосом:

— Зачем ты, дурак, меня поймал?

— Как — зачем? Отнесу тебя невесткам: они ухи наварят, меня накормят.

Стала щука упрашивать Емелю:

— Не губи меня, Емелюшка, отпусти в речку. Я тебя за это богатым сделаю!

— Не хочу, — отвечает Емеля, — я и без твоего богатства проживу.

— Ну, тогда сделаю так, что всё по твоему слову будет исполняться. Только скажи: „По щучьему веленью, по моему хотенью“.

— Вот это дело! — говорит Емеля.

Бросил он щуку в прорубь и молвил:

— По щучьему веленью, по моему хотенью, зачерпнитесь, вёдра, да ступайте в избу сами!

Только успел вымолвить — вёдра сами зачерпнулись и зашагали в горку. Идут, как утки, вперевалочку. А Емеля вслед за ними шагает да посмеивается.

Увидели это соседи — диву дались, из дворов, из домов повыбежали.

— Глядите-ка, — говорят, — глядите, какие штуки Емеля выкидывает! У него вёдра сами идут, не спотыкаются и воду не расплёскивают!

Невестки Емелю увидели — шептаться стали:

— Какой же он дурачок? Вишь, какой хитрый: заставил вёдра идти!

Поравнялись вёдра с избой, по ступенькам на крыльцо взошли — ни капли не расплескали, сами на лавочку стали.

А Емеля разделся, разулся, на печку взобрался и говорит:

— Эй, невестки! Печка-то остыла, не греет!

— Оттого и не греет, что не топлена. Съезди-ка в лес, наруби дров, тогда и печку вытопим.

— Неохота мне!

— Ах, опять тебе неохота? Ну, тогда и подарков тебе не видать, и на холодной печке сидеть!

Нечего делать. Слез Емеля с печки, оделся и пошёл во двор, стал в лес по дрова собираться. Вытащил сани,

бросил в них топор, пилу, верёвку длинную и сам в них уселся.

— Эй, — кричит, — невестки! Открывайте ворота пошире: я в лес еду!

— Что ты? — говорят невестки. — В уме ли ты? Лошадь не запряг, а уже в лес едешь. Давай мы тебе поможем запрячь!

А Емеля им в ответ:

— Зачем лошадь гонять? Мне её жалко. Я и без лошади съезжу! Открывайте ворота!

Подивились невестки, но ворота открыли. Тут Емеля и шепнул:

— По щучьему веленью, по моему хотенью, бегите, сани, в лес сами!

Сани и побежали, словно кто подстегнул их в три кнута, только снег под полозьями скрипит!

Едут сани через сёла, через деревни, оглобли по сторонам мотаются — забыл Емеля подвязать их.

А в селе в ту пору людно было — праздник справляли. Бегут люди за санями и сзади и с боков, так под сани и кидаются. Охота им поглядеть, как это сани без лошади едут. А оглобли их всех в стороны расшвыривают. Многих с ног посбивали, в сугробы раскидали. Всполошились все, погнались за Емелей: хотели схватить, назад воротить, да не догнали.

Прибежали сани в лес, остановились. Вышел Емеля из саней, огляделся по сторонам и молвил:

— По щучьему веленью, по моему хотенью, ты, пила, деревья пили — да какие посуше выбирай, ты, топор, дрова руби, а вы, дрова, сами под топор становитесь, сами на сани укладывайтесь да верёвкой обвязывайтесь!

Так всё по его слову и сталось. Пила деревья пилит-валит, топор дрова рубит, а дрова сами к саням бегут, сами укладываются. Улеглись, крепко-накрепко верёвкой обвязались: можно в деревню назад ехать!

Подвязал Емеля оглобли, чтоб людей по пути не сбивать, уселся на воз и крикнул:

— По щучьему веленью, по моему хотенью, бегите, сани, домой сами!

Сани и побежали, только снег взвился.

А в селе люди уже поджидают Емелю — кто с рогачами, кто с ухватами, кто с палками да кольями, кто с верёвками. Хотят схватить — наказать Емелю: зачем он всех напугал да с ног посбивал, когда в лес ехал!

Как завидели его, стали было петли накидывать, ухватами цеплять да кричать:

— Держи его! Лови его! Хватай его!

Да куда там „лови-хватай“. Разве его удержишь? Сани бегут, снежок след заметает.

Подкатили сани к своим воротам и стали. Поленья с воза соскочили и побежали: какие во двор — в поленницу укладываются, какие — по крылечку, в избу, да пря-

мо в печку. Так полено через полено и скачут. А топор с пилой вошли — сами под лавку легли, растянулись.

Невестки перепугались — не знают, что и думать, что и делать. Стали со страху метаться, прятаться — какая под стол, какая на полати.

— Мы, — кричат, — будем братьям на тебя жаловаться!

А Емеля над ними посмеивается:

— Эки вы пугливые! Вылезайте-ка скорее да накормите-ка меня щами: я в лесу весь прозяб!

В то время как Емеля щи хлебал да на печи лежал, люди побежали к царю, стали жаловаться: есть в такой-то деревне Емеля-дурачок, он без лошади на санях ездит, всех пугает, с ног сбивает, в сугробы загоняет.

Любопытно стало царю — кто таков Емеля. Послал царь своего вельможу привести к нему Емелю на ответ.

Приехал царский вельможа в деревню, да не один, а со слугами. Нашёл Емелину избу. Вошёл и давай грозить да кричать:

— Где тут Емеля-дурак? Подавайте его сюда!

Невестки с перепугу за печку забились, боятся показаться, не смеют слова вымолвить. Один Емеля не испугался.

— Здесь я, — говорит, — на печке сижу да на тебя гляжу. Что тебе надобно?

— Одевайся, дурак! Обувайся, дурак! Повезу тебя, дурак, к самому царю!

— А мне неохота.

— Ах, так! Ты ещё разговариваешь!

Подскочил царский вельможа к Емеле и ударил его по щеке наотмашь.

— Хватайте, — кричит, — его силой!

Не понравилось это Емеле. Он и шепнул:

— По щучьему веленью, по моему хотенью, ну-ка, дубинка, угости незваного гостя сахаром! А ты, помело, почисти его!

Поднялась тут дубинка, выскочило помело и давай

царского вельможу охаживать да оглаживать. Он и ругаться перестал: охает, подпрыгивает, пригибается, милости просит.

Бросился царский вельможа со своими слугами из избы и побежал — только пятки засверкали. А дубинка и помело не отстают: милости не дают — и по спине и по плечам оглаживают. Так до самого царского дворца и проводили.

Приполз вельможа к царю на карачках и говорит:

— Так и так! Силой его не взять, надобно хитростью...

Послал царь за Емелей другого посланца: чином поменьше, разумом побольше. Набрал посланец пряников медовых, орехов да леденцов и поехал к Емеле.

Приехал он в деревню, разыскал Емелиных невесток, стал у них выспрашивать:

— Чего ваш Емеля любит и чего не любит?

Невестки говорят:

— Не любит он, чтоб с ним грубо говорили, любит, чтоб честью просили.

Вошёл царский посланец в избу, подошёл к печке, поклонился низко и говорит:

— Здравствуйте, Емельян Иваныч! Покушайте пряничков, орешков да леденчиков и поезжайте со мною к царю. Любопытно царю на вас посмотреть!

— А мне неохота с печки слезать! — отвечает Емеля.

— Поедемте, Емельян Иваныч! Не поедете — мне царь жизни не даст голову из-за вас срубит!

Пожалел Емеля царского посланца.

— Ну, будь по-твоему, — говорит, — поеду. Только ты вперёд поезжай, дорогу очищай, а я вслед за тобой буду.

Посланец царский тихонько спрашивает у невесток:

— Не обманет ли меня дурак?

— Не обманет, — отвечают невестки, — он у нас не такой, он что скажет, непременно сделает!

Уехал царский посланец. А Емеля потягивается на печке и говорит:

— Не хочу с тёплой печки слезать! На дворе метель да стужа... Зипунишко у меня — дырка на дырке, заплатка на заплатке... А ну-ка, печка, по щучьему веленью, по моему хотенью, поезжай к царю!

Тут печка заворочалась, крякнула, выпросталась из избы и пошла. Через поля пошла, через луга, через сёла, через деревни. Царского посланца и догнала и перегнала.

Идёт печка, никуда не сворачивает, из трубы дым валит; а Емеля за трубой сидит, песни поёт. Пришла печка прямо в столицу, прямо к царскому дворцу. Вся столица взбудоражилась: люди пальцами кажут, галдят, собаки лают, лошади ржут, петухи поют...

Побежали слуги к царю:

— Выходи скорее, царь-государь! Емеля-дурачок к тебе на печке приехал!

Вышел царь на крыльцо со своею дочкой, с боярами да вельможами. Стал он выспрашивать Емелю:

— По какому праву ты на санях без лошади ездишь? По какому праву моих подданных пугаешь да с ног сбиваешь?

А Емеля ему в ответ:

— Чем я виноват? Они не сторонились, сами под сани кидались. Ты бы стоял — и тебя бы замял!

Разгневался царь, приказал стащить Емелю с печи,

кнутом его бить да в острог посадить. Видит Емеля — добра здесь не ждать, и шепнул тихонько:

— По щучьему веленью, по моему хотенью, ступай, печка, обратно. А ты, царская дочка, крепко в меня влюбись да замуж за меня просись!

Повернулась печка назад и пошла. Царь было: „Хватайте его, с печки тащите, верёвками вяжите!" — да куда там: приехал Емеля — не здоровался, уехал — не простился.

Пришла печка, крякнула, в угол стала, будто весь век там стояла, будто никуда и не выходила.

А в царском дворце крик да слёзы. Царская дочка к отцу пристаёт, покою ему не даёт:

— Зачем Емеле грозили? Зачем Емелю стращали? Я без него жить не могу. Замуж за него хочу!

Царь и кричал, и кулаками стучал, и ногами топал — ничего поделать не мог: царевна день и ночь плачет, глаз не закрывает, не ест, не пьёт, не спит — извелась вся. Нечего делать, приказал царь привезти Емелю.

— Только, — говорит, — не на печке — с печки его не стащить. Везите на санях. Тут мы с ним и разделаемся!

Поскакал в деревню хитрый царский посланец, обманул Емелю лукавыми словами, опоил сонным зельем, связал крепко-накрепко верёвками, бросил в сани и поскакал что было мочи.

Привёз он Емелю к царю, а у царя была уже приготовлена большая бочка. Схватили слуги Емелю, посадили в бочку. А царевна углядела это. Выбежала, ухватилась за бочку обеими руками — не оторвать.

— Куда Емеля, туда и я! — кричит.

Царь в гневе и разум потерял — приказал и царевну в бочку посадить:

— Коли ей дурак так люб, пусть и пропадает с ним вместе!

Так по царскому слову и сделали. Набили на бочку крепкие обручи железные, засмолили и в море пустили.

Поплыла бочка по волнам...

Развязала царевна Емелю, стала его будить:

— Что ты спишь, Емелюшка! Проснись! Мы ведь в бочке сидим, в окиян-море брошены. Не пивши, не евши с голоду помрём!

Емеля говорит:

— Я спать хочу.

— И я хочу, да не до сна теперь! Выкати бочку на берег. Ты ведь умный, всё можешь!

— Ну, будь по-твоему, — говорит Емеля. — По щучьему веленью, по моему хотенью, выкатись, бочка, на зелёные луга, на жёлтые пески и разорвись!

Не успел вымолвить, бочка выкатилась на остров и разорвалась. Вышли они на зелёные луга, на жёлтые пески.

Царевна огляделась кругом и говорит:

— Емелюшка, а как же мы жить будем? Здесь, гляди, ни села, ни города. Нам бы хоть избушку маленькую...

— Будет у нас и не избушка, — отвечает Емеля. — А ну-ка, по щучьему веленью, по моему хотенью, постройся дворец, да лучше царского!

Только сказал — дворец уж и готов, будто из земли вырос. Стоит на семи столбах, весь чудно-дивно изукрашен: крыши серебряные, маковки золотые, во все стороны крылечки сходятся-расходятся. А вокруг дворца и сады, и пруды, и пристройки разные. В садах соловьи поют, по прудам гуси-лебеди плавают.

Вошли они во дворец, а в палатах ещё дивнее: по потолку красное солнышко ходит; солнышко уйдёт — ясный месяц, частые звёзды появляются...

Стали они жить на острове, во дворце, всего у них вдоволь, только скучно: живых людей нет.

— Хоть бы повидать кого родных, — просит царевна.

— Ладно! — говорит Емеля. — По щучьему веленью, по моему хотенью, перекинься поперёк моря мост чугунный! А по мосту пусть к нам братья с жёнами приедут!

Только слово сказал, глядь — через море мост перекинулся. Перила у моста золотые, на столбиках каменья самоцветные — так и сверкают! А по мосту телега едет, на телеге братья с жёнами сидят. Все в новых рубахах, в новых сарафанах — как цветы цветут! Стали Емелю обнимать, целовать.

— Мы, — говорят, — с ног сбились, всё тебя, дурня, искали, и лес и болото исходили. А ты вон где!

Вдруг слышат — пушки палят. Пристал к острову корабль, а на корабле царь со всею свитой. Спрашивает Емеля:

— Куда, корабельщики, путь держите?

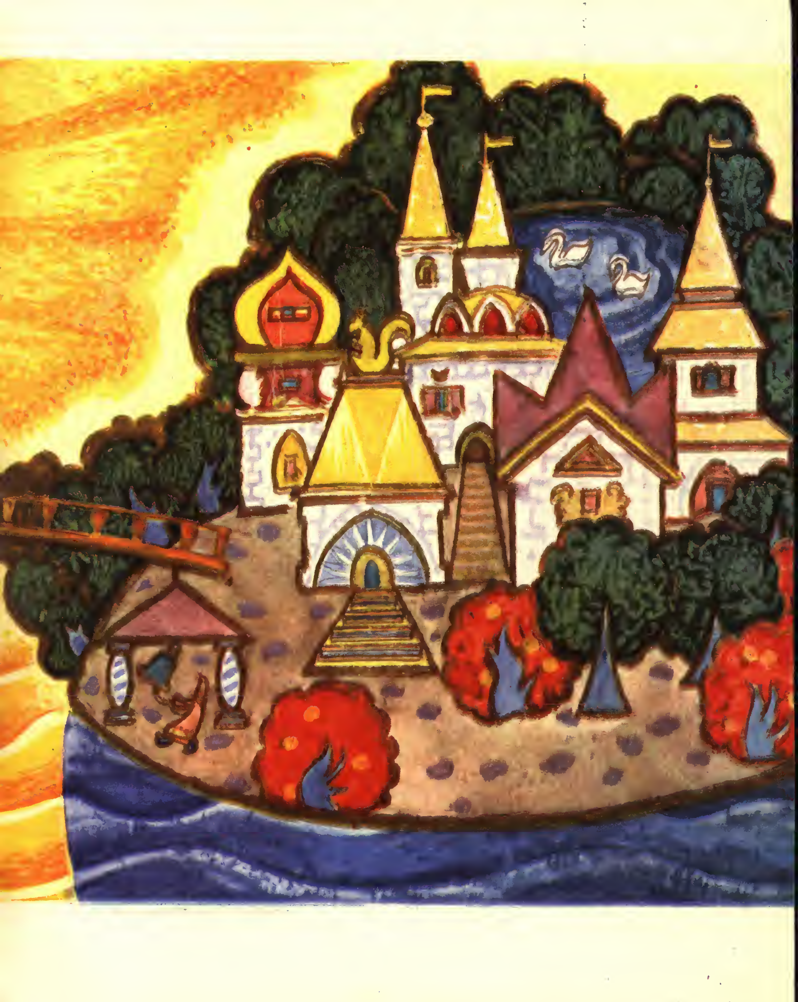
— Да вот которые сутки по морю ездим, бочку ищем.

— А зачем вам бочка?

— Как — зачем? — отвечает царь. — В ней дочка моя да Емеля-дурачок. Лишился я разума, погубить их хотел...

Емеля говорит:

— А ну-ка погляди на меня получше: не я ли это к тебе на печке приезжал?

Царь глянул — до смерти перепугался. Бух Емеле в ноги:

— Прости, Емелюшка, не вели казнить...

— Ладно, — говорит Емеля, — так и быть, прощу тебя в этот раз!

Тут и царская дочка вышла.

— Пожалуйте, — говорит, — к нам во дворец!

Уселись все за столы дубовые, за скатерти узорчатые, стали на радости есть, пить да песни петь.

И Я ТАМ БЫЛ,
МЁД-ПИВО ПИЛ,
ПО УСАМ ТЕКЛО,
А В РОТ НЕ
ПОПАЛО!

[redacted]

Художник И. Я. Коновалов

РФ
Б 90

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

Русская народная сказка в пересказе М. Булатова

Редактор Л. Д. Ветрова. Художественный редактор М. К. Омелянчун. Технический редактор Н. М. Децко. Корректор Т. В. Федорова. Сдано в набор 3 февраля 1972 г. Подписано к печати 11 мая 1972 г. Формат бумаги 60 × 90 1/8. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 3,5. Учетно-изд. л. 3,35. Заказ № 344. Тираж 250 000. Цена 27 коп. Краснодарское книжное издательство, Краснодар, улица Красная, 74. Фабрика офсетной печати, Краснодар, улица Красноармейская, 69.